Russian Language Journal

Volume 62 | Issue 1 Article 13

2012

«Речевые маски» повествователя и речь персонажей (на материале «Московских сказок» А. Кабакова)

Кира Щукина

Follow this and additional works at: https://scholarsarchive.byu.edu/rlj

Part of the Slavic Languages and Societies Commons

Recommended Citation
Щукина, Кира (2012) "«Речевые маски» повествователя и речь персонажей (на материале «Московских сказок» А. Кабакова)," *Russian Language Journal*: Vol. 62: Iss. 1, Article 13.
Available at: https://scholarsarchive.byu.edu/rlj/vol62/iss1/13

This Article is brought to you for free and open access by the Journals at BYU ScholarsArchive. It has been accepted for inclusion in Russian Language Journal by an authorized editor of BYU ScholarsArchive. For more information, please contact ellen_amatangelo@byu.edu.

«Речевые маски» повествователя и речь персонажей (на материале «Московских сказок» А. Кабакова)

Кира Щукина

«Московские сказки» А. Кабакова, написанные в 2005 году, несомненно интересны и с точки зрения лингвистики, и, в частности, лингвистического анализа текста. Сам А. Кабаков отзывается о своих «Московских сказках» следующим образом: «Это действительно сказки и мифологические истории от Красной шапочки до строительства Вавилонской башни. Но действия их перенесены в современную Москву. Это карманная энциклопедия современной русской жизни, с чиновниками, бандитами, иногородними девушками, политтехнологами и другими сомнительными, но очень современными личностями"[1]. «Энциклопедичность» «Московских сказок» Кабакова и их лингвистическое и стилистическое богатство дают возможность результативно использовать этот материал при обучении чтению студентов III-IV уровня, в частности, на программе «Флагман», а также использовать их при подготовке к ТРКИ-III и ТРКИ-IV.

Рассмотрим подробнее структуру повествовательных инстанций в «Московских сказках». В статье «Речевые особенности проявления повествовательных инстанций (на материале «Московских сказок» А. Кабакова)[2] нами были выделены три типа повествователя, каждый со своими речевыми характеристиками:

1) 3-личный повествователь - нейтральный, дистанцированный от героев и событий рассказа, экзегетический, не входящий во внутренний мир текста[3], характерной особенностью которого являются разнообразные «речевые маски» и проникновение в

1 В. Посиделов. Интервью с А. Кабаковым «К нам приехал Агасфер» для ИА "Росбалт-Юг" http://www.rosbalt.ru/main/2007/09/10/412271.html

2 Щукина К.А. «Речевые особенности проявления повествовательных инстанций (на материале «Московских сказок» А. Кабакова). XXXVII международная филологическая конференция, филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2008 г.

3 Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М., 1996. С. 205.

мыслительно-эмоциональную сферу персонажа с помощью несобственно-прямой речи (НПР);

2) 1-личный повествователь - это диегетический повествователь, максимально приближенный к сфере персонажей, принадлежащий миру текста, для которого характерно употребление 1-го лица, но не местоимения «я», а местоимения 1-го лица множественного числа «мы», а также прямые обращения к читателю:

3) нарратор - повествователь философствующий, обобщающий, которому присуща функция дидактического комментирования; повествователь, близкий автору; в речевом плане для него характерна книжная абстрактная лексика, часто «возвышенно-романтическая» лексика, в синтаксисе ослабляются признаки разговорности.

В данной статье мы тоже хотим обратиться к повествовательным инстанциям, но в несколько другом аспекте: к «речевым маскам» 3-личного повествователя и к речи персонажей.

В постмодернистской традиции под термином «речевая (языковая) маска» изначально понимаются литературные маски автора художественного произведения («авторская маска» - термин постмодернизма, предложенный американским критиком К.Мамгреном): «Автор» как действующее лицо постмодернистского романа выступает в специфической роли своеобразного «трикстера», высмеивающего не только и не столько условности классической, а гораздо чаще массовой литературы с ее шаблонами: он прежде всего издевается над ожиданиями читателя, над его «наивностью», над стереотипами его литературного и практически-жизненного мышления, ибо главная цель его насмешек - рациональность бытия».[4]

И.П.Ильин говорит о маске автора как характерной черте постмодернистской манеры повествования: «Именно она является тем камертоном, который настраивает и организует реакцию имплицитного (а заодно и реального) читателя, обеспечивая тем самым необходимую литературную коммуникативную ситуацию, уберегающую произведение от коммуникативного провала».[5]

---

4 Ильин И.П. Авторская маска // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. - М.: Интрада - ИНИОН, 1996. - С.193.

5 Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. - М.: Интрада, 1998. - С. 165

Исследователь выделяет две причины появления маски автора в постмодернистском тексте: 1) страх автора, что ему не удастся наладить контакт с читателем, столкнуться с «несостоявшимся читателем» и 2) персонажи - «неживые», «фактические марионетки авторского произвола», «маска автора часто оказывается единственным реальным героем повествования, способным привлечь к себе внимание читателя».[6]

Современные исследователи, в частности, М.В. Шпильман и Е.В. Косинова под «речевой маской» понимают чужой речевой образ, который говорящий реконструирует и присваивает с определенной целью; это имитация чужого речевого поведения, включающая иную манеру речи, иной лексикон, предполагающая иную языковую картину мира. При этом человек «перевоплощается» в другую языковую личность на основе собственных представлений о том, какой эта личность должна быть, и эти представления должны каким-то образом коррелировать с представлениями социума об образе данного коммуниканта.[7]

В данной статье мы придерживаемся того понимания, что «речевые маски» надевает на себя 3-личный повествователь, который и выступает в «Московских сказках» в основном в роли «говорящего».

Итак, в ходе анализа текстов нами были выделены **речевые маски,** которые мы условно можем разделить на несколько групп:

I. «Речевые маски» официально-делового стиля – документы различного типа:

1) биография - в биографии отца Ивана Добролюбова, где речь повествователя превращается в сухую биографию официально-делового стиля:

Фамилию Ваня унаследовал не от великого публициста-демократа, памятного всем образованным русским людям своею шкиперской бородой в виде бахромы, а непосредственно от отца, Добролюбова Эдуарда Вилоровича, офицера внутренних войск (когда-то называвшихся войсками

6 Там же.

7 Е. В. Косинова «Коммуникативная стратегия «речевая маска» и перевоплощенная языковая личность: сходства и различия». Вестник Кузбасской государственной педагогической академии. Сентябрь 2010. http://vestnik.kuzspa.ru/articles/21/

М.В. Шпильман. Коммуникативная стратегия «речевая маска» (на материале произведений А. и Б. Стругацких): Дисс. …канд. филол. наук. Новосибирск, 2006.

МГБ), ***отслужившего календарных двадцать пять лет (а с льготными больше тридцати) и ушедшего в запас с должности коменданта отдельного лагпункта майором.*** *В свою очередь Эдуард Вилорович получил фамилию по отцу, Вилору (Владимир Ильич Ленин — Октябрьская Революция) Мефодьевичу Добролюбову,* ***из крестьян Пермской губернии, член ВКП(б), последний пост — секретарь районного исполнительного комитета, 1903-1937, реабилитирован в 1958-м.***[8] (38) (жирным шрифтом выделены очевидные фрагменты биографии).

И автобиография Добролюбова Э.В.:

«За это время я, сирота, получил от государства среднее и среднее военное образование, после чего служил на должностях командного состава в системе МГБ (в дальнейшем МВД) в городе Йошкар-Ола по линии исправительных учреждений, и оттуда меня отправили в отставку в звании майора. Женат, жена Лаура Ивановна Добролюбова, является пенсионеркой по возрасту» (240)

2) протокол. В речь повествователя заменяется сухим языком милицейского протокола, выделенное в тексте местоимение 2 лица говорит о присутствии повествователя:

(…) Жертв не было, за исключением уже известного ***нам*** *Абстулханова. Он* ***находился в нетрезвом состоянии, превысил разрешенную на этом отрезке Рублевского шоссе скорость, не справился с управлением и скончался на месте.*** (13)

3) договор:

И тут же выдавалось соответствующее свидетельство — ***на правах собственности... именуемый в дальнейшем... площадь, этаж, адрес...*** (29)

4) «армейский» официально-деловой стиль, который используют адъютанты маршала Печко (доклад) с элементами разговорного стиля (выделены подчеркиванием):

И вот прибежали в бункер адъютанты, второпях докладывают ***о попытке нарушения госграницы путем движения летательного аппарата типа «ковер» предположительно иранского происхождения в направлении юго-восточных и северо-западных рубежей нашей родины, с пятерью... в смысле, с пятерями... то есть с пятерьмя... в общем, 5 (пять) гражданских лиц на борту, товарищ маршал. Есть***

8 Здесь и далее указаны номера страниц по изданию: Кабаков А. Московские сказки. М., 2005

мнение специалистов, что могут быть произведены ковровые бомбардировки, товарищ маршал. (221)

5) Выдержки из личного дела, характеристика советских времен:

И везде офицер Печко И.У. ***проявлял себя идейно выдержанным, политически зрелым, морально устойчивым, настойчиво овладевавшим знаниями, постоянно повышавшим свой культурный уровень, инициативным, исполнительным, скромным, выдержанным, отзывчивым и чутким.*** (225)

II. Публицистический стиль, использование которого в «Московских сказках» делится на две большие подгруппы: реклама и публицистика советских газет.

1) Реклама: «*(…)* ***точечная застройка, монолит, без внутренней отделки****, 1250 у.е. за квадрат,* ***планировка*** *квартир свободная,* ***подземный паркинг на ограниченное количество мест*** *по двенадцать тысяч за место, холлы, достойные соседи,* ***круглосуточная охрана прилегающей территории****»*[2] (28)

Выделенная нами лексика входит в стандартный набор рекламного объявления о продаже квартир в строящемся доме.

2) Клишированные конструкции советской публицистики:

На фоне названного прогресса реставрация капитализма в России представлялась майору внутренних войск в отставке Добролюбову Э.В. ***результатом целенаправленной подлой деятельности мирового врага народов, каковым является, <u>конечно</u>, американский империализм, осложненный, <u>скажем прямо,</u> международным сионизмом как разновидностью фашизма, что признала и ООН.*** (239) (жирным шрифтом выделены газетные клише, а вводные слова принадлежат, с нашей точки зрения, 3-личному повествователю и выражают его отношение к этому газетному тексту).

«И вроде бы ***воспитан*** *был* ***комсомолом****, и происхождение имел вполне уважаемое из военнослужащих, а* ***не выдержал испытания непростым временем, встал на путь личного обогащения чистоганом за счет грабежа народа****» (241)*

(…) *а зачем ему ковер, а? Не иначе как собирается взять эту доставшуюся —* ***благодаря разумной политике цен, проводимой партией и правительством****, -* ***<u>по дешевке</u>*** *материальную ценность с собой в* ***мир корысти и индивидуализма****, а там* ***<u>загнать за ихнюю</u>*** *твердую валюту.* (211) (клише советской публицистики и разго-

ворная речь персонажа)

Большой интерес представляют тексты «новых русских» персонажей «Московских сказок» как отдельной социальной группы. Опора на модель языковой личности персонажа художественного текста и с этой точки зрения исследование коммуникативной стратегии «речевая маска» представляется перспективным, поскольку такая «художественная модель» почти всегда имеет в реальном мире соответствие с определенной «социальной моделью»: «говорящий человек в романе - существенно социальный человек, исторически конкретный и определенный, и его слово - социальный язык (хотя и в зачатке), а не «индивидуальный диалект»[9] С этой точки зрения речь «новых русских» представляет несомненный интерес для иностранных студентов, в частности, студентов программы «Флагман», которые обсуждают социальные группы в России при изучении темы «Экономика. Реформы».

Например, НПР персонажа рассказа «Голландец» нового русского Абстула:

Ладно, виски Абстул, ***как всем известно*** (обращение 1-личного повествователя к читателю), *любит,* ***кокос*** *на этот раз был исключительно качественный, а шампанское французское настоящее, оно даже в супермаркете* ***под стоху тянет****, не то что в клубе...* (НПР персонажа — Абдула, выделены слова-маркеры речи персонажа: разговорная, сленговая лексика, присущая определенному социальному слою - «новым русским») *Но зачем же перед дорогою-то? Ну, не знаю. Точнее, мне кажется, что знаю, но объяснить вам не смогу. Понимаете — ему можно.* (1-личный повествователь: 1 лицо глагола, обращение к читателю - «объяснить вам») (6-7)

И собственно прямая речь Абстула:

Не хило*, подумал Абдул, я сто шестьдесят иду, и он сто шестьдесят идет, я по разделительной иду, а он по встречке идет* ***конкретно****, как такой* ***лоховской*** *«сарай» идет сто шестьдесят, почему* ***ментов*** *не боится и как он арку,* ***дятел****, объезжать будет, если эта арка через километр уже, даже меньше,* ***блин****?! (8)* (жирным шрифтом выделены элементы разговорного стиля, «маркеры» речи новых русских)

Прямая речь персонажа, представителя «новых русских» Ивана Добролюбова:

9 Бахтин М.М. Человек в мире слова. - М.: , 1995. с.108.

Я, Ваня Добролюбов из Йошкар-Олы, построил вам дома. Я построил эксклюзивные резиденции с пентхаузами и, ***блин****, инфраструктурой,* ***блин****, с видео,* ***блин****, наблюдением и фитнесом,* ***блин, блин, блин****, с паркингом на* ***хренову тучу*** *машино-мест, но вам все равно мало, с укрепленными под ваши джакузи и трехтонные ванны перекрытиями, с венецианской штукатуркой и каррарским,* ***ё****, мрамором в холле-вестибюле, с колоннами,* ***ё****, внутри,* ***ё****, квартир,* ***ё****, по индивидуальным,* ***ёханый бабай****, проектам,* ***эксклюзив-люкс****,* ***грёбаный мамай****, для обеспеченных господ,* ***блядь****!* (45) (жирным шрифтом выделены характерные маркеры «новорусской речи»)

Речь «новых русских» в «Московских сказках» обильна условными сигналами, к которым относятся произносительные характеристики, слова-паразиты (*блин, ёханый бабай, конкретно*), включение в речь заимствованных слов (*джакузи, эксклюзив, паркинг*), разговорных и грубых (*мент, лох, лоховской, дятел*); хотя следует отметить, что на нынешнем уровне развития русского языка все эти особенности речи «новых русских» уже вошли в современное городское просторечие и не являются такой характерной приметой именно этой социальной группы — да и собственно «новые русские» как определенное социальное образование отошли в прошлое вместе с эпохой «первоначального накопления капитала» 90-х годов XX века.

Таким образом, в тексте «Московских сказок» мы можем выделить некоторые «речевые маски» - документы: биография и автобиография; протокол; договор; «армейский» официально-деловой стиль; выдержки из личного дела, характеристика советских времен. Из «речевых масок» публицистического стиля нами выделены фрагменты рекламных текстов и текстов советской периодики. Проанализирована речь «новых русских» персонажей как социальной группы, характеризующей определенный период экономического развития России.

Для носителя языка не представляет сложности вычленение из текстов ни фрагментов официально-делового стиля, ни фрагментов публицистики советских лет, и уж тем более, речи новых русских, которая являлась характерной приметой 90-х годов XX века. На программе «Флагман» студенты подробно знакомятся с официально-деловым стилем и должны уметь писать определенные виды документов на русском языке, с публицистическим стилем — и

должны уметь самостоятельно писать такие виды текстов, как обобщенный реферат, рецензия и эссе, и, кроме того, изучают тему «Экономика. Реформы» - поэтому подобный анализ текста будет несомненно полезен обучении русскому языку как иностранному на продвинутом уровне.

Литература:

1. Бахтин М.М. Человек в мире слова. - М.: 1995. - 140 с.108.
2. Виноградов В.В. О теории художественной речи. - М.: Высшая школа, 2005.
3. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. – М., 1980.
4. Ильин И.П. Авторская маска // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. - М.: Интрада - ИНИОН, 1996.
5. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. - М.: Интрада, 1998.
6. Кабаков А. Московские сказки. М., 2005.
7. Косинова Е.В.«Коммуникативная стратегия «речевая маска» и перевоплощенная языковая личность: сходства и различия». Вестник Кузбасской государственной педагогической академии. Сентябрь 2010. http://vestnik.kuzspa.ru/articles/21/
8. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М., 1996.
9. Посиделов В. Интервью с А. Кабаковым «К нам приехал Агасфер» для ИА "Росбалт-Юг" http://www.rosbalt.ru/main/2007/09/10/412271.html
10. Шпильман М.В. Коммуникативная стратегия «речевая маска» (на материале произведений А. и Б. Стругацких): Дисс. канд. филол. наук. Новосибирск, 2006.